

ФОЛЬКЛОРНОЕ МЫШЛЕНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ

***Аннотация.** В статье подробно анализируется круг проблем и практических задач, возникающих перед городскими фольклорными ансамблями этнографического направления в процессе освоения локальных певческих традиций. Намечаются пути их решения, рассматриваются необходимые условия успешной деятельности; одним из главных является комплексный подход к источникам, отвечающий природе традиционной народной музыкальной культуры.*

***Ключевые слова:** фольклорное исполнительство, певческая реконструкция, колористическая окраска звука, освоение локального диалекта.*

Прошло более 40 лет с того момента, как у городских жителей в России случился настоящий взрыв интереса к традиционной песне — после создания Дмитрием Покровским в 1974 году своего знаменитого ансамбля. Сегодня во многих городах существуют великолепные фольклорные ансамбли, которые весьма достоверно и художественно мастерски исполняют песни, играют на инструментах, воссоздают обряды. Фольклорные ансамбли сегодня входят в инфраструктуру современной социокультурной среды города: услуги фольклорных ансамблей более или менее востребованы, развивается рынок изделий декоративно-прикладного искусства, проводятся фольклорные фестивали, массовые праздники в духе реконструкции народных обрядов и танцевальные вечера. Одним словом, в городах создаётся целая фольклорная индустрия. При этом в самих сёлах, где, собственно, складывалось и развивалось традиционное народное искусство, замирает не только традиционное народное творчество, но и жизнь вообще. В Воронежской области кое-где даже ставят памятные знаки: «Здесь было село такое-то!!!».

Итак, мы имеем дело с новой реальностью, с новой формой существования традиционной сельской (а значит — земельческой) культуры в городе. В целом она, конечно, отличается от сувенирных народных хоров, возникших по образу и подобию профессиональных хоровых коллективов. Эти отличия заметны в репертуаре (отказ от музыкальной обработки произведений), сценическом поведении (отказ от постановочных движений), костюме (отказ от стилизации под «народное»), в звуке (отказ от единообразной, кем-то придуманной «общерусской манеры пения») и т. д. Фольклорными ансамблями взят курс на аутентичность. Но так ли аутентично звучат традиционные песни в городском фольклорном ансамбле?

Конечно, среди фольклорных коллективов велик процент неумелых и нелепых по своей художественной устремлённости ансамблей. Будем считать, что они только в начале своего пути, и не станем оценивать их деятельность. Не будем также рассматривать здесь и деятельность «сувенирных» фольклорных ансамблей, о которых ещё Дмитрий Покровский писал с горечью: «Ярко раскрашенные, стилизованные под “подлинную манеру пения”, они развлекают туристов “национальной самобытностью”. Народная культура, низведённая в “кич”, на продажу — разве это не самое отвратительное из порождений современного мира?»¹.

Речь пойдёт об ансамблях, которые стремятся к музейной достоверности воссоздания традиционной песни во всех её контекстах и конституациях, с сохранением надэтнических универсальных признаков (прежде всего — устности, традиционности, вариативности и пр.) и местного исполнительского стиля или музыкального диалекта. Такие ансамбли хотят приблизиться к совершенному художественному исполнению (а ведь этого зачастую не случается и в этнографических ансамблях: всегда какого-то голоса не хватает, а какой-то бывает лишним). Думаю, что ансамблей такого уровня сегодня в России уже более сотни — практически в каждом большом горо-

---

¹ Покровский Д. Из заметок о традиционной культуре // Дмитрий Покровский: Жизнь и творчество / Сост. Н. Р. Буданова, Н. В. Морозин. М.: Ассоциация Экост, 2004. С. 54.

де, причём, как правило, несколько; наибольшую известность получили ансамбли Санкт-Петербургской и Московской консерваторий, «Народный праздник», «Казачий круг», «Русская музыка», «Ромода» (Москва), «Братина» (Санкт-Петербург), «Станица» (Волгоград), «Воля» (Воронеж) и др.

При всем внешнем сходстве певческой реконструкции и оригинала, есть ряд качеств, существенно отличающих городских исполнителей от сельских. В некоторых случаях городские исполнители так «манерничают», что вызывают у зрителей (особенно — неискушенных) неприятие, полное отторжение народной песни вообще. Они не столько стремятся быть похожими на сельских народных исполнителей, сколько хотят быть непохожими на народный хор. Неестественность (а иногда — и неискренность) городских исполнителей лишает их главного — правдивости реконструкции. На это как одну из главных проблем указывал ещё Д. Покровский: «Можно научиться петь похоже, даже очень похоже на народных певцов. Но как научиться той душевной тонкости, великодушию, которые позволяют им нести и не замутить высочайшую и сложнейшую культуру? Как научиться той бескорыстности, при которой люди, будучи великими музыкантами и поэтами, продолжают оставаться простыми людьми в самом лучшем смысле этого слова?»².

Вот несколько проблем, стоящих перед участниками городских фольклорных ансамблей.

1. Копирование — погружение. С копирования начинают все. Так учатся говорить маленькие дети — бессознательно усваивая и лексику, и грамматику, не подозревая о существовании правил спряжения, склонения. Так и сельские исполнители усваивают традиционную песню: прислушиваются, припеваются, запоминают, сравнивают, выбирают — усваивают родной музыкально-фольклорный словарь. Музыкальный синтаксис и лексику песенной традиции городскому исполнителю невозможно понять на примере одной-двух песен, тем более что разные жанры формируют свои словари и свои композиционные приёмы, к тому же горожанин в звуковую среду

---

² Там же. С. 47.

песенной традиции погружается лишь эпизодически. И в этой эпизодичности и оторванности от музыкально-фольклорного языка заключена основная проблема. Чем больше музыкально-лексический запас у исполнителя, тем больше правды. Если ездит в село Плёхово Курской области Елена Алексеевна Краснопевцева с участниками ансамбля «Веретёнце» более 30 лет — это сразу слышно.

И только после устного бессознательного копирования можно перейти к осмыслению норм жанро- и формообразования песенного фольклора определённой локальной традиции путём глубинного анализа нотных расшифровок, исполнительских версий, вариантов, диахронных изменений, певческой лексики. Однако у большинства городских фольклорных ансамблей по-прежнему главным и единственным источником для реконструкции является текст расшифровки — нотный и словесный — однажды записанной песни, причём, возможно, в не самом лучшем исполнении.

Может возникнуть вопрос: а зачем слушать, если песню можно быстрее выучить по нотной расшифровке? Слушать надо для анализа исполнительских приёмов. К сожалению, они остаются за пределами нотного текста, поэтому для их выделения следует опираться только на этнографические записи, желательно — сделанные от разного состава исполнителей. Методика анализа исполнительских приёмов, номенклатура этих приёмов, терминология применительно к фольклорному исполнительству совершенно не разработаны.

Для городского исполнителя, репертуар которого обычно включает песни разных традиций, должно стать обязательным размышление о типичном и нетипичном в фольклорном исполнительстве и осознание этих различий на разных уровнях:

- территориальном (проявление: узколокальное, локальное, региональное, субэтническое, общенациональное);
- жанровом (проявление главных и периферийных жанровых признаков, местной специфики жанра);
- этнографическом (включение в обряд, исполнительская мотивация: бытовая или сценическая; возрастные предпочтения и пр.).

На этом пути можно сделать множество не только открытий, но и ошибок. Например, можно принять единичное за типическое, случайное за модное, наносное за традиционное, индивидуальный приём — за характерную местную особенность. Так, например, случайные (или индивидуальные) исполнительские приёмы выдавались за типические в выступлениях московского ансамбля «Жар».

Нужен огромный собирательский и «слушательский» опыт, чтобы выявить фальсификацию, попавшую нечаянно в саму традицию, а так бывает, ведь мы нередко уже не можем записать песню в нескольких исполнительских версиях, чтобы найти и заметить искажения. Вот и появляются в текстах нелепости типа «Я на белку наступила» вместо: «Я на бел камень ступила».

2. Диалект. Я бы назвала первопричиной неудач городских фольклорных ансамблей неумение услышать и осваивать диалект, и прежде всего — фонетику, потому что лексику перенять проще — не так много диалектных слов встречается в песенных текстах и разговорных интермедиях. Например, гласные в южнорусской традиции очень часто представлены дифтонгами, т. е. звуками, как бы перетекающими от одного к другому: «о» в «а» или в «у», «е» в «а» и т. д. В 2002 году мне даже удалось сделать маленькое открытие — выявить диалектную группу «гамаи» в Воронежской области, которые переводили безударное «о» в «а»: ноаж (нож), моай (мой). В разговорной речи это уже мало где сохранилось, а вот в пении в воронежско-белгородском пограничье — достаточно много. Сравним два разных исполнения одной и той же песни из села Иловка Алексеевского района «Как у нашего соседа»: этнографическую запись 1997 года с бабушками и запись одного белгородского городского фольклорного ансамбля (очень хорошего, на мой взгляд). Кому-то в первую очередь покажется, что главное отличие — в темпах и тембрах (бабушки старые, поют медленно, глухо, в низком регистре, а молодые — звонко и задорно). Но в то же время как будто бы чего-то ещё не хватает? Оказывается — диалекта! Хотя многие и не заметят этой разницы, не осознают её в силу своего городского происхождения.

Иловские поют: «Как у наше(a)сосе(a)да веселя была бясе(a)да».

Городские поют: «Как у нашего соседа весела была беседа».

Вывод: у городских исполнителей нет дифтонгов на гласные звуки, зато есть взрывное «г».

Итак, недостоверное произношение лишает фольклорное исполнение интонационной правдивости, что влечёт за собой упрощение звукового оформления напева.

3. Колористическая фоническая окраска звука — это вообще огромная проблема для городских ансамблей. Существует две крайности преувеличения: «красивость» и нарочитая крикливость. Первая связана с бессознательными эстетическими установками на понятный для художественно образованного городского слушателя звук: на глубокой вокальной опоре, выровненный по всему диапазону. Так в деревне почти никто не поёт. Вторая крайность — напротив, ориентация на звук без опоры и вибрации, белый, крикливый. А вот так в деревне довольно часто поют. Но ни то, ни другое, не является мастерским, тем, которое осознаётся и в городе, и в деревне как художественно совершенное. Поэтому вывод можно сделать такой: невозможно научиться правильному пению без выбора исполнителя, которому следует подражать, который наиболее художественно убедительно представляет традицию. Руководитель как посредник между народными исполнителями и городскими певцами может только подсказать, кому следует особенно подражать. Ориентация на какой-то звуковой образ обязательно есть и в самих сельских этнографических коллективах. Например, после смерти выдающейся исполнительницы Ольги Ивановны Маничкиной из села Подсереднее Белгородской области ансамблем стала руководить Варвара Дмитриевна Ходыкина. Хотела она этого или не хотела — но она стала и по манере, и по тембральной окраске певческого звука очень похожей на Маничкину, потому что этот художественный образ в ансамбле признан самым убедительным, эталонным.

Второй пример. В фольклорном ансамбле «Воля» была исполнительница Молчанова Татьяна Ивановна, которой повезло встретить Учителя, по голосовым возможностям близкого себе — Веру Васильевну Шишкину из села Прудки Красногвардейского района Белгородской области. Она десятки раз, а может и больше, слушала всё, что напела Вера

Васильевна, каждый раз находя новые детали, которые хотелось освоить, попробовать исполнить самой. Это тот случай, когда городской исполнительнице повезло найти свой звуковой идеал.

Итак, в формировании навыков фольклорного исполнительства городским певцам следует опираться на конкретный певческий стиль и конкретные установки. Общие принципы такой учебной работы были уже сформулированы автором, опубликованы и приводятся здесь ещё раз.

«1. Комплекс, связанный с постановкой певческого аппарата:

— техника дыхания (вдох, наполнение, задержка дыхания, экономный выдох, подвдох, активный выдох);

— пение на цепном дыхании;

— формирование звука (над нёбом, у гортани, у переднего края зубов и пр.);

— использование резонаторов (грудного, головного, смешанного) и их связь с регистрами;

— использование темброво-колористических красок (звук: светлый, близкий, глубокий, глухой, звонкий и т. д.);

— приёмы выразительного паузирования.

2. Комплекс, связанный со звукоизвлечением и звуковедением:

— певческая атака (твёрдая, мягкая, придыхательная);

— звуковедение (кантиленное и отрывистое пение, декламационный и скандированный стиль и пр.);

— вокализация гласных (в том числе дифтонгов);

— озвучивание согласных;

— специальные приёмы соединения звуков (ровное и пунктирное глиссандирование, запаздывание на короткий форшлаг на предыдущем звуке и пр.);

— приёмы быстрого переброса голоса из регистра в регистр (киксы, йодли, «ики», «ихи», взвизгивания, сбросы, флажолетные призвуки и пр.).

3. Комплекс, связанный с артикуляцией и дикцией:

— освоение норм произношения диалектной речи (замена согласных, например, «щ» вместо «ч», «с» вместо «ц» и пр.);

— освоение неосознанных скрытых норм произношения при пении (удвоение и утроение согласных, вокализация дифтонгов, дробление гласных, например, «моай» вместо «мой», смягчение согласных и др.);

— огласовка согласных (вставка между согласными гласных букв «и», «ы» или реже — «а», «е»).

4. Комплекс, связанный с музыкальностью:

— восприятие ритма (отношение к счетной единице музыкального ритма, переход от регулярного ритма к свободному, пение по ритмоформулам, пение по акцентам в сегментированных формах);

— тип интонирования (многозначность звуковысотного выражения отдельных ступеней лада, подвижность лада: сужение и расширение; глиссандирующий строй);

— агогические средства выразительности.

5. Комплекс, связанный с импровизацией:

— осознание разных функций голосов и воспроизведение разных голосовых партий одной песни;

— осознание стабильных и мобильных параметров музыкального текста;

— осознание взаимозаменяемости отдельных попевок;

— импровизация в ладах»³.

Разумеется, все эти исполнительские навыки должны развиваться в упражнениях, осознаваться при прослушиваниях, использоваться в исполнительской реконструкции.

А нужно ли так скрупулёзно следовать традиции, ведь всё развивается, меняется, в том числе художественные вкусы и запросы современного общества. Возможно, сохраняя старину, мы препятствуем обновлению народного певческого искусства?

---

³ Сысоева Г. Я. Методика работы над музыкальным диалектом в фольклорном ансамбле // Вопросы музыковедения и музыкального образования: Сб. науч. тр. Вып. 7: Ансамблевое исполнительство в академической и фольклорных традициях: теория, история, педагогика / Отв. ред. М. Г. Долгушина, И. А. Богомолова. Вологда: ВГПУ, 2013. С. 148.

Ответить на эти вопросы можно следующим образом. Во-первых, сколько будет жить человек, его одинаково будет интересовать и будущее, и прошлое, и с этой позиции сохранить в живом виде певческое искусство необходимо, тем более что это мало кто и умеет. А во-вторых, никакая обработка не может сравниться с красотой подлинной песни, как не может сравниться голос искусственного соловья с пением настоящего — непредсказуемым, завораживающим.

Мотивация к пению у сельских исполнителей и у городских сегодня в одном пункте общая — желание продлить жизнь народной песне как художественному шедевру.